

О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ XVII ВЕКА. МЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

С. П. Орленко

*Государственный историко-культурный музей-заповедник
«Московский Кремль»*

Поступила в редакцию 12 февраля 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена вопросам организации функционирования придворной оружейной мастерской русских царей XVII в. Рассматриваются меры дисциплинарного воздействия, принимаемые руководством в отношении мастеров Оружейной палаты в случае невыполнения плановых работ и нарушения трудовой дисциплины. Анализируются формы и методы дисциплинарных мер, оценивается степень их эффективности.*

Ключевые слова: *Россия, Оружейная палата, XVII век, мастера, дисциплинарные меры.*

Abstract: *the article is devoted to the organization of the functioning of the court armory workshop of the Russian tsars of the XVII century. The study considers the disciplinary measures taken by the management to the artisans of the Armory Chamber in case of noncompliance of planned work and violation of discipline. The forms and methods of disciplinary measures are analyzed, and the degree of their effectiveness is assessed.*

Key words: *Russia, Armory Chamber, XVII century, masters, disciplinary measures.*

Историография по социальной политике России XVII в. крайне незначительна. В основном она посвящена вопросам благотворительности, организации домов призрения и ряду других близких тем [1; 2, с. 172–173]. Вместе с тем к социальной политике помимо шагов, направленных на поддержку населения, правомочно отнести и меры, направленные на противодействие нежелательным, хотя и не криминальным в прямом смысле, проявлениям и формам человеческого поведения.

В придворной оружейной мастерской русских царей XVII столетия в зависимости от периода трудилось от нескольких десятков, до более чем сотни ремесленников разных специальностей и разного уровня мастерства. Разумеется, человеческий фактор оказывал существенное влияние на функционирование ведомства. Для мастеров, работающих «радетельно» «с прилежанием», «безмешкотно», «беспрестанно и безотходно», существовали различные формы поощрений. Однако руководству Оружейной палаты время от времени приходилось сталкиваться с невыполнением или ненадлежащим выполнением производственных заданий, нарушениями трудовой дисциплины, рядом других проявлений негативного характера. Это потребовало от администрации выработать комплекс мер дисциплинарного воздействия. Степень сохранности документов текущего делопроизводства Оружейной палаты позволяет относительно

но полноценно исследовать данный вопрос лишь за вторую половину XVII столетия.

На протяжении десятилетия после Московской чумы 1654 г. упоминания о мерах дисциплинарного воздействия в отношении ремесленников придворной оружейной мастерской в документах ведомства единичны. Может быть, в этот период мастера крайне внимательно относились к исполнению своих профессиональных обязанностей, но возможно и иное объяснение. До начала 1660-х гг. Оружейная палата восстанавливала и наращивала численность кадрового состава после тяжелых потерь, нанесенных эпидемией 1654 г. [3; 4, с. 446–447].

Начало 1660-х гг. ознаменовалось бурным развитием инфляционных процессов – стремительно падала цена медных денег, которыми мастерам выплачивали жалование. До отмены хождения медной монеты в 1663 г. руководству Оружейной палаты пришлось сосредоточить усилия на обеспечении работоспособности ведомства в условиях финансового кризиса, в том числе и на поддержании приемлемого уровня жизни мастеров [5]. В этих непростых обстоятельствах, даже при наличии претензий к работе ремесленников, администрация, вероятно, проявляла снисходительность и терпимость, избегая жестких репрессивных мер.

В июле 1660 г. двум «польским» мастерам наводного дела Роману Сарасекову и Савве Емельянову «велено им глаткие наручи зделать в неделю и они в тот указной срок не зделали». Тем не менее жалование они получили сполна, расписка в этом присутствует

на обороте столбца [6, л. 73–73 об.]. В 1661 г. четверем мастерам – выходцам из Великого княжества Литовского, – изготовившим некачественные «худые» стволы, было велено переделать работу. Жестких карательных мер против ремесленников предпринято не было, им лишь несколько сократили сумму наградных денег. Пятому мастеру, представившему «худой» ствол, но сразу заменившему его на другой – «добрый», премиальное пожалование выдали в полном объеме [7, л. 5, 7].

После того как кадровый кризис был преодолен и финансовая ситуация стабилизировалась, руководство Оружейной палаты стало гораздо более внимательно относиться к соблюдению мастерами сроков и качества исполнения плановых работ. Число задолженностей по производственным заданиям в 1664 г. оказалось настолько значительно, что потребовались особые меры, чтобы скорректировать положение. Был составлен полный список всех мастеров, русских и иноземцев. Часть мастеров полностью выполнила свои обязательства перед казной и была свободна от каких-либо претензий. Что касается остальных, то напротив имени каждого нерадивого мастера была указана мера воздействия, степень жесткости которой определялась величиной задолженности.

У мастеров, чьи долги были не очень велики, было велено относительно деликатно «работу спрашивать». В более серьезных случаях задолженность было велено «править», «доправить», «доправить тотчас» и даже «править без пощады». В отношении замочного мастера Федора Алаторца записано было: «доправить замки против книг, для того что он многое время гулял» [8, л. 1–8]. В данном случае речь шла не о правее – экзекуции, применяемой по отношению к обычным должникам и неплательщикам в соответствии с русским законодательством, а о финансовых санкциях. При этом начальство могло пригрозить суровыми карами за нерадение: «А будет хто в месяце не зделает, и ему учинить наказанье – бить батоги» [9, л. 18].

В истории Оружейной палаты известно несколько случаев, когда ремесленников придворной мастерской подвергали телесным наказаниям. В 1661 г. было велено бить кнутом карабинного мастера Мартына Леонтьева. Однако в этом случае речь шла о наказании за уголовное преступление – поединке на саблях между мастерами Оружейной палаты, в котором противник Мартына получил серьезное ранение [10]. В 1663 г. «пистольному мастеру» «поляку» Василию Леонтьеву Вайтеху (Войтеху) «учинено наказанья вместо кнута бит батоги и дан на поруку з записью». И в этом случае оружейник поплатился за криминальную деятельность – был пойман на изготовлении фальшивых медных денег [5; 11, л. 1–2; 12, л. 23]. Ни

одного документа, подтверждающего применение к мастерам Оружейной палаты телесных наказаний за невыполнение плановых работ, не выявлено. Зато весьма активно применялись методы финансового воздействия.

Впрочем, это была не самая жесткая мера в арсенале администрации. Для нечувствительных к финансовым санкциям мастеров применялось крайнее для подобных случаев средство принуждения – ремесленники должны были «дела делать сковану». У имени русского замочника Михаила Лыкова стояла пометка «править тотчас доимочные замки. А буде не учнет делать, держать на Бархатном дворе скованы[м]» [8, л. 1–8]. В отличие от множества других ведомств, своей тюрьмы в Оружейной палате не было. В случае необходимости, в качестве места временного заключения во второй половине столетия использовались помещения приказа Ствольного дела, находившегося в ведении оружейного, или одно из производственных помещений Оружейной палаты. Контроль за соблюдением грозного распоряжения был возложен на самопальных стрелков.

Вероятно, оковы должны были налагаться на ноги нерадивых мастеров, поскольку руки оружейникам были нужны для работы. Необходимым оборудованием Оружейный приказ располагал. Полтора годами ранее, 18 июня 1662 г., «приказу Ствольного дела кузнец галиченин Фролко Павлов принес в Оружейную палату четверы ножные железы. А сказал что у тех желез починивал он трубки и дуги с колодки, и спицы, и ключи» [13, л. 57]. Согласно Переписной книге оружейной казны 1686/87 гг. на Бархатном дворе хранилась «двадцать одна чепь, что держат колодников» [14, л. 703 об.].

По итогам проверки 1664 г. с восемнадцати мастеров задолженность по работам было предписано спрашивать, еще на восемнадцати указано править или доправить, двух оружейников было велено сковать. Документ не содержит распоряжения об увольнении кого-либо из мастеров. Однако один из ствольных мастеров, бывший шведский подданный и ученик Григория Вяткина Митька Тарасов, по отношению к которому после проверки были приняты самые жесткие меры – велено «держат и дела делать сковану», «во 173-м (1664/65) году пропал без вести» [8, л. 1; 15, л. 7]. Весьма вероятно, что ремесленник, оценив перспективы, предпочел пуститься в бег. Имя другого мастера – замочника Михаила Лыкова, которого было предписано держать скованным на Бархатном дворе, после 1664 г. также пропадает из документов Оружейной палаты.

В материалах делопроизводства Оружейного приказа выявлено несколько документов, близких по форме и смыслу к проверке 1664 г. В 1667 г. был составлен «Список Оружейные палаты мастеровым

людем, русским и иноземцом, на ком что каких дел донять...». У одного мастера работу было велено спрашивать, у восьми – донять, на двух – доправить [16, л. 1–10]. По сравнению с 1664 г., налицо был явный прогресс.

«Роспись Оружейные палаты приказным делам...» 1669/70 г. содержит сведения о текущих работах мастеров и указания в отношении выявленной или предполагаемой производственной задолженности. Напротив имен нескольких ремесленников сделаны пометки: «досмотрить, что зделано», «допросить», «спрашивать дела» и лишь в одном случае – «спрашивать дела и посадить в Набережных хоромех» [17, л. 1–9]. Указания о взыскании с мастеров непогашенных долгов по работам за прошлые годы содержит ряд документов о производственном планировании и назначении ремесленникам новых заданий [18, л. 1–18; 19, л. 1–13].

Рассматривая источники по финансово-хозяйственной деятельности ведомства, мы видим, что от своевременного и качественного выполнения мастерами плановых работ могли зависеть не только возможность выдачи премиальных пожалований, но и получение заработной платы в полном объеме. Годовой денежный оклад выплачивался мастерам одной или двумя частями в течение года, а поденный денежный корм, как правило, раз в несколько месяцев. Именно эта часть денежного жалования мастеров в наибольшей степени использовалась руководством для воздействия на нерадивых. Выплата сумм денежного корма напрямую зависела от выполнения мастером плановых заданий. Начиная с середины 1660-х гг. немало челобитных мастеров Оружейной палаты о выдаче сумм поденного денежного корма имеют на обороте резолюции: «буде дела на срок принес, а корм на те месяцы не выдан – выдать», «буде дело делают, что им дано, а [корма] не дано, выдать справясь с книгами и записать в книгу. А дело спрашивать на сроки, чтоб не гуляли», «буде дела принесли на срок, дать корм» и т. п. [20, л. 176 об., 228 об.; 21, л. 7; 22, л. 36 об.]. Наиболее же распространенным был лаконичный вариант пометы с аналогичным смысловым наполнением – «дать корм по указу».

Предположительно речь идет о распоряжении 1665 г., в котором регламентировался вопрос о назначении производственных заданий и возможных санкциях за их невыполнение или же другом директивном документе сходного содержания. «И которым мастеровым людям учнет дела давать делать и про тое дачю дел писать в той книге имянно. А кормовые деньги и надельные, и годовое жалованье давать и з записью в книгу расходную имянно поставясь. <...> Так же на мастерах по срокам дел спрашивать накрепко. И сей государев указ в расходную книгу за-

писать имянно. <...> А в которых числех мастеровые люди русские и иноземцы дела не учнут делать, и на те дни корму не давать» [23, л. 33–34].

Как правило, на обороте челобитных с просьбой о выдаче жалования (в том числе и поденного корма) присутствует расписка мастера или его доверенного лица (не все ремесленники владели письменной грамотой) в получении денег. Однако на ряде документов расписки о получении жалования отсутствуют. Помимо версии о возможной небрежности в оформлении финансовых документов можно предположить, что за некоторыми мастерами была выявлена задолженность по плановым заданиям и кормовых денег им просто не дали.

Иногда в документах встречаются указания о невыплате или неполной выплате кормовых денег мастерам в связи с невыполнением плановых работ. Так, например, в распоряжении о выдаче поденного денежного корма мастерам резного дела (по железу) указано: «Михайлу Микитину сего числа не дано, дела не принес» [20, л. 328]. В росписи 1669 г. у имен пистольных мастеров Максима Иванова и Петра Мартынова отмечено: «В нынешнем во 177-м (1669/69) году дел не делали и жалованья им не дано для того, что в деле своем скаски не дали». В конце документа зафиксировано распоряжение оружничего Богдана Матвеевича Хитрово: «А буде хто (из мастеров. – С. О.) учнет те государевы дела делать нерадетельно и тех людей имать, и велеть им делать на дворе боярина Микиты Ивановича (Романова. – С. О.)» [24, л. 7, 9]. По указу царя Алексея Михайловича в марте 1664 г. двор боярина Никиты Ивановича Романова на Никитской улице был передан в ведение Оружейного приказа [25, л. 3].

Неверно было бы полагать, что наличие долгов и упущений в работе автоматически влекло за собой применение карательных мер со стороны руководства ведомства. В ведомости 1667 г. мы можем прочитать «Василей Титов. Донять на нем 174-го (1665/66) и нынешняго 175-го (1666/67) две пищали нарядных, да замок». Ниже другой рукой на столбце дописано: «Старые спрашивать» [16, л. 2–3]. В июне 1668 г. вновь звучит требование донять на Василии Титове пищали за прошлые годы, а также замок к голландскому карабину. Мы видим, что у мастера образовалась долговременная задолженность по плановым работам. Тем не менее в том же документе присутствует запись о выдаче Василию наградного жалования [26, л. 6]. По именному царскому указу велено было выдать с Казенного двора «Оружейной палаты ствольным мастерам Григорию Вяткину тафту виницейскую добрую, Василию Титову дороги добрые... для того, что в прошлом во 176-м (1668) году были они о Светлой неделе со ево великого государя с подносными делами у руки» [27, л. 1]. Сведений о при-

менении к Василию Титову финансовых или каких-либо иных санкций не выявлено.

Для выполнения плановых работ мастерам Оружейной палаты выдавались из казны необходимые материалы или деньги на их приобретение, так называемые «надельные». В случае неисполнения заданий в оговоренные сроки эти средства также велено было удерживать из жалования ремесленников. Так, например, десяти «польским» мастерам ствольного дела – Климу Максиму с товарищами предписано было приносить в Оружейную палату в месяц по одному «винтованному» (нарезному) стволу [28, л. 1–5]. Железо и уголь для изготовления стволов мастерам выдавали из казны. В случае если ремесленники не выполняли задания, то за каждый не сданный вовремя ствол, было велено вычитать деньги из их годовых окладов [26, л. 36–37]. Русскому мастеру Роману Олонцову было велено «...делать стволы по указу. Надельные дать декабря по 1 число 176-го (1667) году. А будет чего за то надельное в указные месяцы не выделает, и то доправить» [29, л. 2–3].

На мастеров возлагалась ответственность за правильное и эффективное использование выдаваемых им казенных материалов, среди которых могли быть и весьма дорогостоящие. К пасхальной презентации 1668 г. самопальный и пушечный мастер Ермолай Федоров «...сделал 2 пушки винтованных длиною по 4 аршина, ядром в гривенку. Золотил и серебрил он же Ермола, и то золото и серебро потерял, золотил худо. Золотили вновь Григорей Вяткин да Василий Титов. Дать ему государево жалование сукно ис покупки Андрея Фролова. А что он худо золотил и серебрил и за его пушечную работу и за старость того не спрашивать» [26, л. 6–7].

Как мы видим, руководство Оружейной палаты не только отказалось от намерения взыскивать с мастера стоимость потерянных драгоценных материалов, но даже выдало Ермолаю награду – сукно. Упоминание о «пушечной работе» не случайно. В Оружейной палате Ермолай Федоров был уникальным специалистом, единственным, кто владел искусством создавать парадные железные кованые «заварные» пушки [30].

При сходных обстоятельствах реакция Богдана Матвеевича Хитрово, возглавлявшего придворные мастерские, могла быть и совсем иной. В ноябре 1678 г. чеканного и черного дела мастер Федор Микулаев, не сумевший возратить в казну «остаточное» золото и серебро, был отставлен от службы в приказе Серебряного дела, а его двор за Сретенскими воротами был конфискован в счет ущерба [31, с. 78].

На протяжении десятилетий руководству Оружейной палаты приходилось сталкиваться с фактором, оказывавшим негативное влияние на работу мастер-

ской, – злоупотреблением алкоголем в среде придворных ремесленников. Думается, что само по себе пристрастие некоторых ремесленников к хмельному мало бы волновало руководство ведомства, если бы не сказывалось негативно на их профессиональной деятельности. Для борьбы с пьянством администрацией применялись самые разные меры воздействия. С воспитательными целями «...в 172 (1663/64) году замочный мастер Федор Сорокин от дел Оружейные палаты за пьянство отставлен, а велено ему быти в замочных мастерах в приказе Ствольного дела» [32, л. 18–19].

Перевод в Ствольный приказ существенно ужесточил условия труда замочника. В отличие от мастеров Оружейной палаты, в основном работавших у себя дома, ремесленники приказа Ствольного дела трудились над созданием строевого оружия под надзором в общих производственных помещениях на Бархатном дворе, а уровень оплаты их труда был заметно ниже. Вероятно, Федор сумел сделать правильные выводы. «И в прошлом же во 173-м (1665) году генваря в 3 день по приказу окольного и оруженничего Богдана Матвеевича Хитрово ему, Федору Сорокину ис приказу Ствольного дела велено быти в Оружейной палате в замочных мастерах попрежнему» [там же].

Впрочем, эффект от этой воспитательной меры по отношению к этому мастеру оказался не слишком устойчивым. В росписи мастерским делам 1667 г. у имени Федора Сорокина мы вновь встречаем указание: «Быть в Ствольном приказе, а делать дела в Оружейную палату. И жалование давать в Ствольном приказе» [33, л. 16]. Можно предположить, что перевод в приказ Ствольного дела 1667 г. имел ту же причину, что и предыдущий. Как и в прошлый раз, Федору Кузьмину Сорокину удалось восстановиться на службе в Оружейной палате, где он продолжал трудиться, по крайней мере, до декабря 1672 г. [34, л. 7].

Весной 1668 г. из Оружейной палаты была послана память в Покровский монастырь «что на убогих доме» старцу Кириллу с указанием принять за пьянство «подначало» строчного дела мастера Астафия Иванова «да с ним послано лубье саадашное бархатное червчатое, да золота и серебра золоченого турецкого сорок два золотника». Мастера было велено держать в монастыре до государева указа, «а то лубье велено шить в монастыре с великим поспешением, что б то лубье поспело к неделе Святыя Пасхи» [35, л. 1–1 об.].

За время пребывания в монастыре строчник успешно справился с заданием. Согласно «Росписи государевым оружейным делам, которые на празднике недели Святыя Пасхи были ему великому государю в подносе» 1668 г. во «второй статье» среди предметов, предназначенных для наследника царевича

Алексея Алексеевича, написано: «Любье саадачное шито по червчатому бархату волоченным турским золоченым серебром. В середине орел. Кайма шита белым турским серебром. Шил Осташка» [36, л. 8–9].

Чуть более года спустя история повторяется. Распоряжение от 18 июля 1669 г. о выдаче Астафию поденного денежного корма сопровождается указанием: «А за те кормовые деньги дело ему Осташке дано – велено дошить колчан отласной прежнего ево ж дела нынешняго 177-го (1668/69) году и послать под начало в Покровской монастырь, что в убогих дому» [37]. Последнее выявленное упоминание об Астафии Ивановне как о действующем мастере Оружейной палаты относится к январю 1670 г. [38, л. 7–9].

Чрезвычайно сложный и необычный сюжет связан со службой ствольного мастера Ивана Константинова. В 1660 г. И. Константинов завершил обучение у одного из ведущих специалистов Оружейной палаты – Григория Вяткина – и был принят в штат придворной мастерской [39, л. 67, 75 об. – 76]. С момента завершения Иваном Константиновым обучения в известных нам документах мы не видим никаких признаков недовольства со стороны руководства его работой или уровнем профессиональной подготовки. Тем не менее к 1667 г. два других бывших ученика Григория Вяткина – его сын Афанасий Вяткин и Игнатий Прохоров, поступившие в Оружейную палату позже Ивана Константинова, обгоняют его по сумме годового денежного оклада [40, л. 7, 11]. Приказная выписка 1669 г. сообщает: «В прошлых годах в Оружейной палате был в ствольных мастерах Ивашка Константинов и в 175-м (1667) году из Оружейные палаты за пьянство отставлен» [41, л. 2].

За Иваном Константиновым оставили возможность реабилитироваться. Не исключено, что за своего бывшего ученика хлопотал первый мастер Оружейной палаты Григорий Вяткин, мнение которого высоко ценилось руководством. Иван Константинов попытался воспользоваться предоставленным ему шансом. На какое-то время ему удалось справиться со своим недугом. «И в нынешнем во 178-м (1669) году ноября в 15 день великому государю бил челом Ивашка Костянтинов, что б великий государь пожаловал ево, велел ему быть в Оружейной палате в ствольных мастерах по-прежнему. И в нынешнем же во 178-м (1669) году ноября в 17 день по указу великого государя боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово, да стольник Иван Степанович Телепнев приказали Ивашку Костянтинову быть в Оружейной палате в ствольных мастерах по-прежнему, для того, что он от пьянства унялся» [там же, л. 3].

К сожалению, до конца победить пристрастие к алкоголю И. Константинову так и не удалось. Признаки неблагоприятной ситуации опять появляются

весной 1670 г. В росписи производственных заданий весны 1670 г. у имени мастера помечено: «Дать ему дело, велеть делать ствол винтованной и дать на поруку Игнатию Прохорову» [42, л. 4]. Однако Иван Константинов справиться с пагубным пристрастием не сумел. Не справился со своей ролью куратора и Игнат Прохоров. В списке «мастерским делам» 1670 г. про И. Константинова написано: «Делает ствол винтованной травчетой», однако далее другим почерком добавлено: «Спрашивать дела и посадить в Набережных хоромех» [17, л. 2]. Но и эта уже достаточно жесткая мера не помогла. Из приказной выписки мы узнаем, что в том же 1670 г. «Ивашка Константинов за пьянство из Оружейные полаты отставлен». О дальнейшей судьбе мастера известно, что он был послан на некий завод «для заварки стволов» [43, л. 4; 44, л. 31].

Параллельно с историей Ивана Константинова развивался и другой необычный сюжет. В декабре 1669 г. из Оружейной палаты в московский Симонов монастырь архимандриту Варсонофию с братией была послана память: «По указу великого государя послан к вам в монастырь в подначальство Оружейные палаты сабельного дела отставленной мастер иноземец Оська Гробницкой. И как к вам ся память придет, а пристав Григорей к вам в Спаской монастырь того иноземца Оську Гробницкого приведет, и вы б ево у пристава велели принять, а приняв держали ево у себя» [45, л. 1].

Причину, по которой мастер был направлен под начало в монастырь, раскрывает челобитная самого Осипа. «Сослан я, холоп твой, в дом Пречистые Богородицы в Симонов Монастырь за пьянство под начал[о] и сию я под началом семнатцать недель и со всякия нужи помираю. А вины за собою большито не ведаю». 18 марта архимандриту было послано распоряжение об освобождении мастера [46, л. 1–2]. Однако оказалось, что вопрос об ответственности мастера за свои проступки вовсе не исчерпан. В мае из Оружейной палаты в приказ Казанского дворца направляется память: «сабельного дела мастера иноземца Оську Гробницкого за пьянство и за многое ево безчинство сослать в Астарахань и приверстать ево к мастеровым тамошним людям к какому мастерству годитца, покамест он от пьянства истинного разума придет» [47, л. 1–2]. В более поздних материалах делопроизводства Оружейного приказа имя Осипа Гробницкого не упоминается.

Примечательно, что ни в челобитной мастера, ни в документах, исходящих от руководства, ведомством не сообщается, в чем именно, помимо пьянства, состояла «вина» и «многое безчинство» Осипа. Очевидно, это не было уголовное преступление, но при этом проступок оказался настолько серьезным, что увольнения со службы и многомесячного пребывания под

началом в суровых условиях руководству показалось не достаточно, и мастера отправили в ссылку.

Вполне вероятно, что от некой части «проблемных» мастеров руководство избавилось во время масштабного сокращения штата в 1665 г. В сохранившихся до наших дней окладных росписях мастеровых людей 1670-х гг. информация о нездоровом пристрастии ряда мастеров к алкоголю отображается в виде краткой пометки «за пьянство отставлен».

В апреле 1673 г. за пьянство был отставлен замочный мастер Артемий Андронов [48, л. 9]. В росписи мастеровых людей Оружейной палаты 1675/76 гг. у имени резчика по кости (костяного токаря) Ивана Григорьева Дракулы стоит пометка «И Ивашко Дракула за пьянство отставлен» [49, л. 18; 50]. В марте 1678 г. за пьянство был уволен не прослуживший в Оружейной палате и двух лет замочник Игнатий Павлов [51, л. 91]. Сведений о том, что перед увольнением этим мастерам выносились какие-либо предупреждения или после отставки предоставлялся шанс вернуться на службу, не выявлено.

В августе 1676 г. архимандриту Чудова монастыря Павлу и патриаршему боярину Ивану Федоровичу Лызлову из Оружейной палаты было направлено официальное обращение. Документом предписывалось по государеву указу, поставив в известность Патриарха Московского и всея Руси Иоакима, поместить в Новоспаский монастырь «под начало, Оружейные полаты ствольного и замочного дела мастера Василия Титова за пьянство и за безумие» [52, л. 1]. В данном сюжете обращает на себя внимание беспрецедентно высокий уровень решения вопроса. Обычно в подобных случаях руководство Оружейной палаты обращалось к начальству монастыря, в который направлялся замеченный в пьянстве мастер.

Бывший ученик Григория Вяткина Василий Титов был одним из лучших специалистов ведомства. С 1664 г. в иерархии оружейников придворной мастерской он занимал второе место после своего наставника. В 1676 г. состояние мастера было очень тяжелым. Документ о помещении оружейника в Новоспаскую обитель содержит предписание: «В монастыре под началом держать с бережением, что б он дурна над собою никакова не ученил (не допустить попытки суицида. – С. О.). И у церкви Божии к вечерне, и к утрене, и к леторгий ходил по вся дни. И пищу ему давать брацкую, а работы никакой давать не велеть» [53, л. 1–2]. В каком бы состоянии ни находился мастер, по счастью, оно не было необратимым. Василию Титову смогли помочь, он вернулся на службу и продолжал трудиться в Оружейной палате до своей смерти в 1681 г. [54, л. 1–1 об.].

Таким образом, как мы видим, руководство Оружейной палаты располагало богатым арсеналом мер дисциплинарного воздействия и при необходимости

применяло их весьма решительно. Невыполнение плановых работ могло повлечь устные напоминания, финансовые санкции, ограничения свободы и наложение оков. Утрата или нецелевое использование казенных материалов по вине мастера оборачивались взысканием с ремесленника их стоимости. Степень жесткости воздействия на провинившихся мастеров, как правило, определялась двумя факторами: степенью серьезности проблемы и личностью самого ремесленника. В случае если неприятности случались с заслуженным мастером, специалистом высокой квалификации, начальство могло воздержаться от репрессивных мер или применять наиболее мягкие формы.

Вариативно подходила администрация и к проблеме злоупотребления алкоголем в среде ремесленников придворной оружейной мастерской. Меры, принимаемые руководством Оружейной палаты, можно разделить на два типа. К первому относятся шаги дисциплинарно-воспитательного характера, предусматривающие продолжение службы провинившегося ремесленника в придворной оружейной мастерской или возможность вернуться к ней. Практиковались временный перевод в другое ведомство с более жестким контролем над мастерами, а также помещение под начало в монастырь, где мастер также находился под надзором и был лишен доступа к алкоголю. Среди казусов данного типа выделяется случай с самопальным мастером Василием Титовым, когда помещение его под начало в монастырь преследовало целью не наказание или принуждение к труду, а восстановление физического и душевного здоровья оружейника.

Ко второму типу мер относится радикальное решение – увольнение со службы в придворной оружейной мастерской. Преимущественно такая мера применялась к замеченным в пьянстве мастерам Оружейной палаты, чей профессиональный уровень оценивался как невысокий. В случае со ствольным мастером Иваном Константиновым имело место последовательное применение дисциплинарных мер двух типов. Мастер был отставлен от службы за пьянство, однако спустя два года был принят обратно. Причем когда у мастера повторно возникли проблемы с алкоголем, его пытались отдать на поруки, ограничивать свободу его передвижений и лишь после неудачи уволили окончательно.

Разумеется, Оружейная палата была не единственным ведомством, где возникали подобные проблемы. Аналогичные сюжеты встречались и в истории придворной ювелирной мастерской и решались аналогичными средствами, что не удивительно, поскольку возглавлялась она теми же лицами, что и Оружейная палата. Так, в апреле 1664 г. мастера Серебряной палаты Никона Трифонова за пьянство отправили под

начало в Иосифо-Волоцкий монастырь [31, с. 132; 55, л. 1]. В мае 1680 г. из Серебряной палаты «за пьянство и огурство» были отставлены двое мастеров – Семен Федотов и Федор Иванов. Известно, что Семену Федотову затем позволили восстановиться на службе, и он продолжал трудиться в Серебряной палате до 1687 г. [56, с. 49; 57, л. 1].

Рассматривая вопрос о мерах дисциплинарного воздействия в Оружейной палате второй половины XVII столетия, следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Наибольшее количество выявленных случаев применения руководством различных дисциплинарных мер относится к периоду с середины 1660-х до начала 1680-х гг. – времени наивысшей активности в работе придворной оружейной мастерской. Именно в этот период создавались как элитарные произведения оружейного искусства царского уровня, так и серийные партии предметов украшенного оружия, доспеха и снаряжения для обеспечения парадно-церемониальных мероприятий русского двора. Исходя из того что все задачи, поставленные перед Оружейной палатой, в тот период были успешно решены, меры по поддержанию порядка и производственной дисциплины можно признать вполне действенными и эффективными. Гибкость и избирательность применения форм и методов дисциплинарного воздействия позволили поддерживать трудовую дисциплину и управляемость ведомства, минимизировать негативные последствия для работы придворной мастерской, сохранить и использовать ценные кадры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семин О. В. Социальная политика Бориса Годунова в период «Великого голода» / О. В. Семин // Ученые записки РГСУ. – М., 2004. – № 6. – С. 116–120.
2. Шаповалова В. С. Законодательное оформление социальной политики в России с момента принятия христианства в конце X в. до середины XVII в. / В. С. Шаповалова // Вестник ТГПИ. – Таганрог, 2009. – № 1. – С. 169–173.
3. Ларченко М. Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века / М. Н. Ларченко // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. – М., 1984. – Вып. 4. – С. 185–192.
4. Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени / С. П. Орленко // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции : в 3 ч. – СПб., 2012. – Ч. II. – С. 441–456.
5. Орленко С. П. Оружейная палата в условиях финансового кризиса начала 1660-х годов / С. П. Орленко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 94–99.

6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7706.
7. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 7596.
8. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8930.
9. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 9729.
10. Орленко С. П. Пищаль с вкладным стволом из собрания Музеев Московского Кремля и ее создатели / С. П. Орленко // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. – М., 2018. – Вып. 1. – С. 274–298.
11. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8129.
12. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 43233.
13. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8157.
14. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 936.
15. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 10086.
16. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11185.
17. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 51448.
18. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 37382.
19. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 51459.
20. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8893.
21. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11517.
22. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11656.
23. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 9729.
24. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12280.
25. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 8769.
26. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11823.
27. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12101.
28. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11456.
29. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11185.
30. Орленко С. П. Железные пушки Оружейной палаты XVII века и парадное оружие из собрания Музеев Московского Кремля / С. П. Орленко // История военного дела : исследования и источники : в VI ч. – 2017. – Специальный выпуск VI. Русский «бог войны» : исследования и источники по истории отечественной артиллерии. – Ч. III. – С. 341–383. – URL: <http://www.milhist.info/2017/03/29/orlenko>
31. Троицкий В. И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века / В. И. Троицкий. – Л., 1930. – Вып. 2. – С. 69–155.
32. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11202.
33. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11185.
34. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 14005.
35. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11696.
36. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11708.
37. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12345.
38. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12449.
39. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 949.
40. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 11823.
41. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12454.
42. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 37382.
43. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 13917.
44. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 15223.
45. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12512.
46. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12651.
47. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 12789.
48. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 17551.
49. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 51351.

50. Орленко С. П. К истории повседневной жизни Бронной слободы второй половины XVII века, или О том, как Дракула со своей женой подрался / С. П. Орленко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: История. – Нижний Новгород, 2018. – № 3. – С. 33–38.

51. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 959.

52. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1 – Д. 44756.

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Орленко С. П., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (сектор оружия и конского убранства)

E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru

53. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 44838.

54. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1 – Д. 19986.

55. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 9222.

56. *Троицкий В. И.* Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века / В. И. Троицкий. – Л., 1928. – Вып. 1. – С. 1–68.

57. РГАДА. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 19298.

The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site

Orlenko S. P., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher (Department of Arms and Armor)

E-mail: orlenko@kremlin.museum.ru